

ОТ НИГИЛИСТОК К «PUSSY RIOT»:
«ЛИЧНОЕ» В ИСТОРИИ ЖЕНСКОГО
АКТИВИЗМА В РОССИИ

Дженнифер
Уилсон

Уилсон

44

От нигилисток до «Pussy Riot»

Название данной статьи предполагает, что женский активизм в России имеет «историю». Если мы будем рассматривать «историю» как связанное повествование, объединяющее определенным – значимым – образом события прошлого с происходящими в настоящий момент, возникает вопрос: чем конкретно «объединены» события? В самом деле, для внешнего наблюдателя, как я, например, русский женский активизм выглядит спорадическим и разъединенным. В то время как у нас, на Западе, есть тщательно отстроенные нарративы феминизма «первой волны», затем «второй волны» и наконец «третьей волны», в России подобной разработки исторической (не говоря о теоретической) преемственности, которая объединила бы различные события, происходившие на протяжении последних двух столетий в области защиты прав женщин, нет. Это не означает отсутствия самой традиции женского активизма – долгой и насыщенной. Просто этот активизм не был историзирован так, чтобы позволить нам увидеть недавнее развитие российского феминизма как часть более общего нарратива политической активности женщин как в имперской Руси, так и в Советском Союзе. В данной статье будет произведена попытка объединить два момента в истории женского активизма в России в качестве пробного кейса конструирования подобного «нарратива». Первый момент – это борьба нигилисток за доступ к высшему образованию русских женщин в 1870-е гг. Второй – воззвание феминистской панк-группы «Pussy Riot» к формированию феминистской идентичности и феминистских политических проектов в современной России. Я продемонстрирую, что основанием феминистских проектов как женского нигилизма, так и «Pussy Riot» является беспрецедентное внимание к тому, что в

западном феминизме известно как просто «личное». Другими словами, то, что объединяет нигилисток и «Pussy Riot», это твердое убеждение, что настоящая политическая революция может начаться исключительно с революции в *личных* привычках, включая одежду, внешность, вкусы и даже секс.

В 2012 г. обычно спокойно празднуемая Радуница сопровождалась непривычно пышным приемом. В этом году Высший церковный совет (РПС) решил совершить всенациональный молебен «в защиту веры» в ответ на то, что было названо церковью «кощунством, совершенном в последние месяцы»¹. Главное мероприятие, проходившее в церкви Христа Спасителя (место скандального панк-молебна «Pussy Riot», ставшего причиной их тюремного заключения и появления на страницах международных газет и в блогах), началось с сурового заявления Патриарха Кирилла, обращенного к толпе: «Мы с вами пришли не на митинг. Церковь не проводит митинги...». Затем телевизионные камеры воспарили над собравшимися перед собором людьми. Любопытно, что первые несколько рядов практически полностью состояли из женщин с покрытыми головами, погруженными в молитву. Этот образ набожных женщин перед собором Христа Спасителя, стратегически спланированный организаторами мероприятия, отсылает к вопросу, который в целом был упущен прессой, освещавшей события с «Pussy Riot», но не был упущен самой церковью. Несомненно, вопросы свободы слова, отделения церкви от государства и соответствующие этому процессы – все здесь поставлено на карту и достаточно широко обсуждалось как в российских, так и зарубежных СМИ.

Вместе с тем одним из упущенных аспектов саги о «Pussy Riot» явилось ее гендерное измерение. Члены группы описывались всеми как политические активистки, но в действительности их действия представляют нечто большее, чем просто политический активизм – они феминистские активистки. Их призыв к изгнанию Путина из России был «подобран» международными медиа, исключив другие детали, а именно: обращение к правам сексуальных и гендерных

¹ «Церковь не проводит митингов». *Interfax*. 22.04.2012. www.interfax.ru/society/txt.asp?id=242176 (посещение 2.11.12.).

меньшинств (LGBTQ/ЛГБТК), расширение роли женщин в обществе и их панк-молебен – были обращены к Деве Марии, женщине. Решение выдвижения на «главные роли» на переднем плане процессии женщин наводит на мысль о том, что Церковь, если не пресса, понимает, что в случае с «Pussy Riot» на карту поставлено будущее российских женщин, сексуальных меньшинств и дестабилизация гендерных норм в стране, которые настойчиво продолжают свое существование, несмотря на переход к рыночной экономике (или, возможно, из-за него).

Женский активизм в России, вместе с тем, имеет долгую традицию. Возможно, наиболее известной российской политической активисткой недавнего прошлого можно считать журналистку Анну Политковскую, чей обзор чеченской войны стал причиной суровых политических преследований журналистки. Не так давно кажущаяся бесспорной наследницей Политковской Маша Гессен привлекла к себе внимание своей разоблачительной работой о коррупции и политической культуре в России. Отличие от них «Pussy Riot» заключается в том, что последние являются не просто женщинами-активистками; по их собственному определению, они феминистки, и их протесты, особенно произошедший в церкви Христа Спасителя, атакуют гендерную дискриминацию не только в политической сфере, но и в повседневной жизни, включая практики религиозного богослужения.

«Pussy Riot» исполнили свой панк-молебен в той части церкви, вход в которую женщинам запрещен. Так, через такое тонкое использование пространства участницы группы «Pussy Riot» заставили всех задуматься более критически о том, какое пространство дозволено занимать женщинам, а какое – нет. Уже только одним этим жестом (выбором пространства) их протест сформулировал важные вопросы о женщине в обществе, а именно: кто и что мешает женщинам исполнять более активные роли в политике, в бизнесе, в любой властной позиции? Обнажая решение этого вопроса в пространстве Церкви, «Pussy Riot» обратили внимание на то, как это личное пространство – пространство, которое не кажется политическим, вносит свой вклад в развитие форм несправедливости против женщин в других – более очевидных

в своей политической принадлежности – сценариях. Своими действиями «Pussy Riot» сформулировали вопрос о том, как частные, личные формы социальной организации отражаются в политической жизни. Сместив разговор к «личному», «Pussy Riot» сместили весь дискурс о женском активизме в России.

Это смещение, однако, имеет прецедент. В своей диссертации «Радикальное целомудрие: воздержание от секса и общества в XIX в.» я рассматривала практики сексуального аскетизма в Русском Радикальном движении. Это было исследование отношений, устанавливаемых в различных политических прогрессивных движениях в России между частным поведением и политической приверженностью. В одной части работы я сфокусировалась на колонии нигилисток, которые жили и учились в Цюрихе в 1870-е гг., и практиковали целибат в попытках устранить сексуальное различие через отказ от секса. Многие из этих женщин заметно продвинулись в дальнейшем в популистских движениях «Земля и Воля» и «Народная воля». Большая часть исследований, посвященных учившимся в Цюрихе русским женщинам, обращена, в первую очередь, на их политическую активность. Это исследование стало значимым своим вниманием к ценности вклада этих женщин в развитие Русского Радикализма и политики в XIX в., оказав при этом непреднамеренное воздействие на переоценку степени, в которой нигилистки предугадали пути дальнейшего развития феминистской теории, а именно то, что частная жизнь и политика отражают и как оказывают влияние друг на друга.

Выражение «Личное есть политическое», сейчас синонимичное феминизму второй волны, уходит корнями к 1969 г., к радикальной феминистке Кэрол Хэниш, которая этим выражением защищала Женское освободительное движение, собрания которого внешними наблюдателями унижительно описывались как «терапевтические сессии»². В переизданной в 2006 г. ее знаменитой работе «Личное есть политическое» Хэниш обозначила более широкий контекст для понимания этого тезиса. Она объяснила, что в то время множество различных движений по защите гражданских прав, возникших в 1960-е гг. в Америке, колебались в своем

2 См. также сс. 16-21 в этом выпуске альманаха. *Прим. ред.*

признании женского освободительного движения. Допуская, что женщины должны получать равную оплату за равную работу, они, тем не менее, критиковали группы подобные ЖОД (Женское Освободительное Движение) за чрезмерное внимание к личной жизни женщин. Как поясняет Хэниш:

Они критиковали нас за попытку вынести так называемые «личные проблемы» на публичную арену – особенно «все эти вопросы, связанные с телом» вроде секса, внешности и аборт. Наши требования, чтобы мужчины также принимали участие в домашней работе и заботе о детях, сходным образом клеймились как личная проблема женщины и ее мужчины³.

Хэниш полагает, что эти частные формы угнетения свидетельствовали о широко распространенных стереотипах о женщинах и являлись симптоматичными для патриархального общества, нормализовавшего дискриминацию по признаку гендера так, что как социальная проблема эта дискриминация не рассматривалась. Слова Хэниш были подхвачены женщинами в Северной Америке (и в конце концов во всем мире), и озаменовали то, что сегодня известно как «вторая волна» феминизма. В то время как феминизм «первой волны» был сосредоточен на признании равных прав (избирательное право и права на собственность), феминизм «второй волны» обратился к вопросам, которые на тот момент как политические не рассматривались: секс, репродуктивные права, а также сексистские репрезентации женщин в масс-медиа. Начиная с середины 1960-х и вплоть до начала 1990-х гг. вторая волна представляла целенаправленную и продолжительную приверженность феминистского движения к распознаванию сексизма в повседневной жизни. К началу 1990-х гг. феминистки бросили вызов самой идее «женственности», повернулись к революционным теоретическим парадигмам, которые не полагались на гендерный бинаризм. С этого времени начали возникать движения, рассматривающие «женщин» не как монолитный блок, но как различные группы, охватывающие различные точки зрения и позиции (как, например, феминизм цветных женщин, феминизм третьего мира), так же, как и подходы вроде квир-теории и трансгендера, которые отвер-

3 C. Hanisch. *The Personal is Political: The Women's Liberation Movement Classic with a New Explanatory Introduction*. www.carolhanisch.org/CHwritings/PIP.html (посещение 24.01.13).

гали «женственность» как биологически-детерминированную идентичность. И, несмотря на официальное завершение второй волны феминизма, представление о том, что «личное есть политическое», остается значимым и предполагает, что каждый новый подход к гендеру, сексу и феминизму должен свидетельствовать о том, как сексуальное неравенство может быть прослежено в частном жизненном опыте отдельного индивидуума.

В 1978 г. британский историк Ричард Стайтс опубликовал свое монументальное исследование прав женщин в России. Названная «Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм», книга Стайтса предлагает комплексное исследование различных попыток агитации за гендерное равенство в России с начала XIX в. и до советского периода, включая главу, посвященную женщинам-нигилисткам, к которой я обращаюсь в своей диссертации. Стайтс объясняет, что вклад нигилисток в русский феминизм требует совершенно иного подхода. Подобно феминисткам, агитирующим за изменения в те времена, когда он писал свою книгу, женщины-нигилистки исследовали, как частное поведение может отражать политику и оказывать на нее воздействие. Он полагает, что «[нигилистский подход к вопросу о правах женщин] отличается от феминизма и радикализма именно тем, что подчеркивает личное освобождение, интеллектуальную самодостаточность и эксплицитный экспериментальный образ жизни»⁴. Как и в случае с «Pussy Riot», нигилистки отличались от предыдущих поколений женского активизма верой в то, что любая революция в политике должна начинаться с революции в личном. Вместо балаклав женщины-нигилистки носили короткие волосы, а вместо гитарной музыки у них были книги по естественным наукам.

Статья 1864 г., опубликованная в одном из номеров консервативной газеты «Весть», рисует неодобрительный, но вместе с тем узнаваемый портрет нигилистки:

Большинство нигилисток, как правило, очень невзрачные и весьма неучитывые, так что им и не нужно было развивать в себе грубые неуклюжие манеры. Одеты они безвкусно, невозможно непотребно,

4 R. Stites. *Women's Liberation in Russia: Nihilism, Feminism, and Bolshevism*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1978. P. xviii.

редко моют руки, никогда не чистят ногти, часто носят очки, всегда стригут свои волосы и иногда даже используют неформальное «ты» по отношению к некоторым молодым мужчинам, подкуривают не от свечей, а у курящих мужчин, несдержанны в своих выражениях, живут либо одни, либо в фаланстериях, и говорят в основном об эксплуатации труда, глупости замужества и семьи, а также об анатомии»⁵.

Несмотря на осуждение, описание нигилистки в этой статье нельзя рассматривать как целиком неверное. Многие нигилистки, получавшие высшее образование, действительно изучали анатомию. Они путешествовали за границу, в основном в Швейцарию, изучать медицину с намерением возвратиться в Россию для работы крестьянскими врачами. То, на что указывает остальная часть описания нигилисток, как раз и является тем, что делало это поколение активисток уникальными в их отличии от предшественниц. Отсылки к физической внешности, поведению, личным предпочтениям и отношению к замужеству и семье – все это отличает движение нигилисток от предшествующих им движений за права женщин. Для нигилисток частное и личное были нераздельны; приверженность радикальному общему делу было укоренено в их поведении, одежде и сексе, так же, как оно было укоренено – более очевидно – в политических действиях, или, как поют «Pussy Riot»: «Каблуки – это сексизм». Все это сильно отличалось от предыдущих поколений женского активизма, которые не видели возможности улучшения условий для женщин в русском обществе, связанных с самой переоценкой или деконструкцией «женственности» (включая женственный стиль одежды).

В своей книге о бихевиоризме и русском радикализме, Ирина Паперно рассматривает влияние, которое оказал роман Николая Чернышевского «Что делать?». Она полагает, что воздействие романа на радикальную молодежь того времени заключалось главным образом не во влиянии на их политическую деятельность, но скорее на их частную жизнь,

5 Проницательный (хотя и неодобрительный) портрет нигилистки в повседневной жизни появился в газете «Весть» в 1864 г.; фаланстерия – тип здания, спроектированный для утопической коммуны и развитый в начале XIX в. Шарлем Фурье. Основанный на идее фаланги (в утопическом учении Ш. Фурье: большая трудовая община, коммуна), эта самодостаточная коммуна в идеале состояла из 1500-1600 совместно работающих на общую пользу людей.

их отношение к сексу, гендерным отношениям и даже стилю одежды. Паперно настаивает на том, что мотив романа «Что делать?» был инновационным и по-настоящему революционным в том, что социальные изменения в романе помещались в трансформацию *сознания* или, как она конкретизирует «обдуманная психологическая самоорганизация, в которой чья-то конкретная индивидуальность, чья-то сама психическая жизнь оформлялась в соответствии с историческим шаблоном»⁶.

Для радикальных юношей этот сдвиг сознания характеризовался отрицанием типичных способов ухода за собой. Как можно судить по их мемуарам и другим работам, они преднамеренно культивировали робкие и неуклюжие манеры, чтобы продемонстрировать, что они образованы не в русле традиционных, патриархальных методов ухода за собой, которое, верили они, увековечивает существующие производящие неравенство гендерные нормы. В «Преступлении и наказании» Достоевский пародирует такую черту радикального юноши в сцене, где Лебезятников «образовывает» Соню насчет целования руки, рассказывая ей, что для мужчины целование руки женщины подобно insultу, потому что это увековечивает гендерное различие и поэтому неравенство между полами. В своем рассмотрении этой сцены Паперно объясняет, что для мужчин типа Лебезятникова «антиаристократизм в повседневном поведении напрямую ассоциировался с антиаристократизмом в социальной жизни»⁷. Для нигилисток стирание гендерного неравенства было тесно связано с отказом от семейной жизни. В попытке освободить себя от ограничений, накладываемых рождением ребенка, материнством и замужеством, нигилистки сделали аскетизм во всех сферах повседневной жизни фундаментальным принципом своей политической повестки. Так, для того чтобы не отвлекаться от своей учебы и политической деятельности, им не позволялось вступать в романтические отношения и даже потреблять изысканную еду (из-за страха того, что она может стимулировать другие плотские желания).

Со стороны нигилисток аскетизм явился попыткой истребить те самые различия. Через устранение сексуальности,

6 I. Paperno, *Chernyshevsky and the Age of Realism: A Study in the Semiotics of Behavior*. Stanford, CA: Stanford U. P., 1988. P. 37-38.

7 Ibid. P. 18-19.

нигилистки верили, что они устраняют гендерное различие. В интервью «*Public Post*», участницы «Pussy Riot» схожим образом критиковали опору общества на стабильные гендерные идентичности. Тем не менее, используемый ими язык и аргументация восходили больше к квир-теории, чем к контексту феминизма нигилисток XIX в.. В то время как нигилистки, привязывая гендерные различия к сексу и к телу, не могли полностью избежать представления о том, что гендер не существует, «Pussy Riot» смогли. Во время интервью, когда их спросили, как должна вести себя и действовать современная женщина, они своим ответом поставили под сомнение сам вопрос, ответив:

Мы хотели бы деконструировать самую полярность «мужчина-женщина»... Подобные жесткие различия являются причиной ущемления по половому признаку. От представительниц «слабого» пола ожидают и требуют чисто женского поведения, даже если они этого не хотят. От мужчин требуют маскулинного поведения, хотя некоторые из них с радостью бы от него отказались. Мы хотим, чтобы пересечение «мужского» и «женского» в одном человеке стало культурной нормой. Это приведет к ослаблению ущемления по признаку пола и к более здоровой психике большинства людей⁸.

С теоретической поддержкой квир-теории, в особенности в интерпретации Джудит Батлер, которая утверждала, что гендер является перформативным и «аффективным», «демонтаж» гендера для участниц «Pussy Riot» оказался укоренен не в теле, как это было в случае с нигилистками, но больше в аффекте: одежда, язык и музыка.

Прослеживаемая в обоих исторических периодах мотивация «личное есть политическое» представляла особую сложность для женщин-активисток уже только потому, что они являлись женщинами. Революция в области личного может оказываться более вызывающей для женщин, чьи тела и личная свобода постоянно на поверхности при рассмотрении законодательных мер о репродуктивных правах. В своей книге «Матери и дочери: женщины интеллигенции в России XIX в.» Барбара Энгель рассматривает как «личное есть политическое» создает проблемы для женщин-революционерок. Она объясняет, что

⁸ Л. Глазко. Интервью с Pussy Riot. *Public Post*. 18.11.2011. www.publicpost.ru/blog/id/1284 (посещение 11.11.12).

личные императивы нового радикального движения бросают женщинам ряд вызовов, с которыми их соратникам-мужчинам сталкиваться не приходится. Аскетизм и жертвование браком и семьей имели более глубокие социальные и правовые последствия на женщин. Незамужним женщинам, например, было не дозволено путешествовать за границу, а в то время получать дипломы женщины могли только в зарубежных университетах. Кроме того, все еще существовали стереотипы о том – даже среди соратников-революционеров, – что женщины не годятся для получения высшего образования и всегда будут озабочены, прежде всего, вопросами замужества и материнства. В качестве примера можно вспомнить, как русский нигилист Валериан Смирнов обвинял нигилисток в использовании революционных встреч для поиска себе мужей. Несмотря на попытки нигилисток жить согласно аскетичным идеалам или идеям «рахметовизма», царское правительство все же издало декрет, который обвинил русских женщин, обучающихся за границей, в использовании учебы только как уловки, когда на самом деле они предаются «свободной любви» вдалеке от бдительных глаз своих родителей.

Несмотря на то что с тех пор прошло больше столетия, мы видим, что женщины-активистки до сего дня сражаются за репрезентацию себя в своих собственных понятиях. Как и в случае нигилисток, участницы «Pussy Riot» в медиа и популярной культуре сводятся к гендерным стереотипам. По иронии судьбы, само «оружие» их феминистской критики – их уникальный стиль одежды, их временами эксплицитно-сексуальный тексты песен и в целом использование своего внешнего облика как инструмента протеста, сделало их уязвимыми для сексистских изображений в СМИ. «Pussy Riot», несомненно, пережили совершенно отличное освещение в прессе, чем если бы речь шла об их коллегах – мужчинах-активистах, и более часто оказывались представлены скорее как секс-символы, чем как серьезные политические игроки. В статье для «*Atlantic Monthly*» американский антрополог Сара Кендизор описывает процесс сексуализации участниц «Pussy Riot» в международных медиа-изданиях. Ее статья «Маниакальные Феи Диссидентки из грез: как мир не понял Pussy Riot», обращает внимание, в частности, на то, что в

медиа самая младшая участница – Надежда Толоконникова – описывается как обладательница «страстных губ», «похожая на Анжелину Джоли»⁹. Кендизор, как и многие другие обозреватели, отмечает, что, несмотря на серьезность их миссии и тонкости их политического месседжа, «Pussy Riot» все еще остаются своего рода предметом гендерной тривиализации, с которой часто сталкиваются женщины-политики и активистки. В интервью с Екатериной Самуцевич, недавно освобожденной участницей «Pussy Riot», Ксения Собчак говорила о публичном образе группы. Собчак эхом отражает интерес Кендизор к тому, каким образом группа была репрезентирована в прессе, полагая, что желание группы дестабилизировать гендерный бинаризм не сбылось, «благодаря» их репрезентациям в медиа, включая и те, которые распространялись их сторонниками и продюсером Петром Верзиловым. Собчак полагает:

Главная обложка вашей группы Надя Толокно с абсолютно феминной внешностью, губами Анджелины Джоли, грудью, красавица, чей внешний вид в тюрьме поразительным образом только улучшается. Продюсирует вас мужик – Петр Верзилов, который сделал из вас супергероев мирового масштаба. И что вы доказали своим идеализмом? Что в мире торжествуют те ценности, с которыми вы боретесь. Умный, рюхливый продюсер делает, чтобы ваши имена звучали на весь мир. «Девушка-обложка» с сиськами и губами пропагандирует вашу группу. Вы стали первыми в ряду образов, которые пропагандируют именно то, против чего вы яростно выступаете¹⁰.

Самуцевич признает проблему и полагает, что подобный уклон медиа просто направлен на демонстрацию перверсивности сексизма и, будучи удовлетворенной тем, что процесс с «Pussy Riot» зашел так далеко, допускает, что это был всего лишь первый шаг в долгом процессе уничтожения гендерной дискриминации.

Нигилистки схожим образом оказывались жертвами пристрастной репрезентации. В революционном журнале

9 S. Kendizir. Manic Pixie Dream Dissidents: How the World Misunderstands Pussy Riot. *The Atlantic*. 20.08.2012. www.theatlantic.com/international/archive/2012/08/manic-pixie-dream-dissidents-how-the-world-misunderstands-pussy-riot/261309 (посещение 25.01.13).

10 К. Собчак и К. Соколова. Интервью с Екатериной Самуцевич. *Сноб*. 19.10.2012. www.snob.ru/selected/entry/53946 (посещение 25.01.13).

«Вперед», в котором работали многие из женщин в Цюрихе, появилась статья русского радикального мыслителя Валериана Смирнова, чья жена была приверженной политической активисткой. Эта статья язвительно критиковала женщин в революционном движении. Автор полагал, что женщины не годятся для серьезной политической работы и скорее сосредоточены только на «кокетстве» и поисках мужа. Он пишет:

...редко можно встретить серьезных людей среди мужской половины привилегированных революционеров, то еще реже можно встретить их среди женской. Женщины еще менее мужчин способны к коллективной революционной работе, еще более разрознены, тщеславие их еще пустее, самолюбие их мельче. Желание рисоваться и кокетничать своим радикализмом чаще доходит до своего апогея¹¹.

Комментарии Смирнова демонстрируют, что женщины постоянно оказывались под давлением и подвергались дискриминации даже в революционных сообществах. Иронично, но он в своем тексте вторит царскому декрету 1873 г., осудившему женщин в Цюрихе и обвинившему их в использовании изучения медицины как предлога для того, чтобы практиковать «свободную любовь» без надзора бдительного глаза родителей, и, таким образом, недооценивает политическую вовлеченность женщин и их стремление к получению высшего образования.

Комментарии Смирнова, как и основанная на гендерных различиях реакция в медиа по поводу «Pussy Riot», – это повторяющаяся проблема постоянного столкновения с импульсом «личное есть политическое». С одной стороны, это подчеркивает то, что формы социальной несправедливости и привилегии зачастую отражаются в межличностных отношениях, и поэтому секс и сексуальность рассматриваются как валидные для политического анализа площадки. Вместе с тем, смещая разговор в сторону личного, особенно если разговор включает секс, мы рискуем свести женщин к их сексуальности и обесценить их политический вклад.

11 В.Н.Смирнов. Революционеры из привилегированной среды // *Вперед: не периодическое обозрение*. Цюрих, 1874, № 2.

Возможно, ответ заключается, как полагает сама Самуцевич, в определенном терпении в процессе. Ведь, несмотря на плохую прессу после нигилисток, российские женщины пойдут учиться в университеты наравне с мужчинами, и, благодаря «Pussy Riot», международное сообщество с усиленной энергией объединяется с женщинами и активистами в борьбе за права сексуальных и гендерных меньшинств (LGBTQ/ЛГБТК) в России.

Перевела с английского Инна Хатковская